

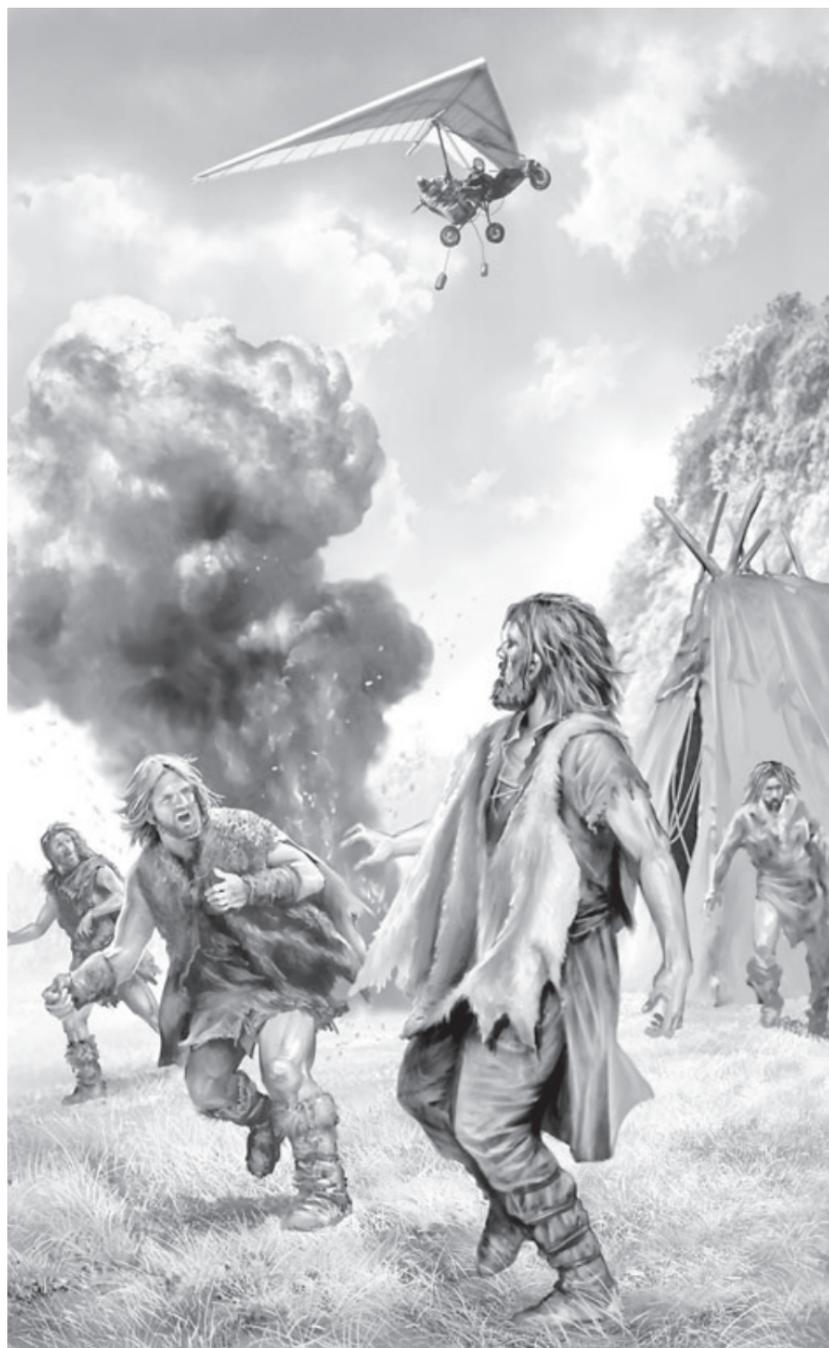

Книги Андрея Величко
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА

Цикл
«ИНЖЕНЕР»

**ИНЖЕНЕР ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
ГЕНЕРАЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГАТЧИНСКИЙ КОРШУН
КАНЦЛЕР ИМПЕРИИ
МИРОТВОРЕЦ
ГОСТИ НЕЗВАННЫЕ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА

РОМАН

Москва, 2016
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В27

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1011

Художник
И. Воронин

Величко А. Ф.

В27 Третья попытка: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 313 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2247-0

Может ли сделать человека счастливым полученная в наследство большая квартира в сталинском доме? Может, но не всякого. Например, Вадиму Касатонову одной квартиры оказалось недостаточно. Однако это не означает, что счастье для него вообще недоступно, — вовсе нет. Просто его, это самое счастье, не так легко найти. Но, если искать целенаправленно, вдумчиво и тщательно, в конце концов найдется все.

И немного сокровищ.

И новые горизонты.

И неизведанные пути в дальние страны.

И даже встречи с братьями по разуму.

И, наконец, большая любовь, которая встречается настолько редко, что многие просто не верят в ее существование, считая это всего лишь красивой легендой.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Величко А. Ф., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2247-0

ПРОЛОГ

За окном шел дождь со снегом — обычная погода для конца ноября в Москве. В большой квартире на шестом этаже сталинского дома на Ломоносовском проспекте находились двое — мужчина и женщина.

Женщина выглядела чуть постарше, на вид ей было лет семьдесят с небольшим. Впрочем, внимательный и квалифицированный наблюдатель, пожалуй, добавил бы лет десять. Или пятнадцать.

Мужчина вроде смотрелся немного моложе, но каким-то более болезненным, что ли, на фоне женщины. Несмотря на ее крайнюю худобу. На журнальном столике перед ними лежало непримечательное серенькое колечко.

— Увы, Макс, — вздохнула женщина, — никаких признаков. Сам видел — оно на меня как надевается, так и слезает. Палец в нем болтается а-ля карандаш в стакане. Никаких температурных аномалий. Оно просто мертвое. Надежды нет — ни у меня, ни у тебя.

Мужчина закашлялся. Потом отдышался и возразил:

— У меня действительно нет. Хватит, пожил уже, скоро сто три года будет как существую. Хотя, наверное, до ста трех не доживу — сдохну раньше. Но ты же, Катюша, по сравнению со мной совсем молодая,

так что как раз у тебя надежда есть. На моего внука Вадима Касатонова.

— Какое ему дело до старухи, которую он не видел ни разу в жизни? Даже если кольцо подойдет.

— Не знаю. Но ты всегда как-то добивалась почти всего, чего хотела. Надеюсь, что у тебя получится и в этот раз. Ладно, пошел я, эту железяку еще надо в тайник спрятать, чтобы чужие не нашли. Потом можно вызывать «скорую».

— А почему бы просто не передать кольцо?

— Потому что я пытался просто передать его тебе и оно не заработало. Сам я его нашел. Так пусть и Вадим найдет! Насколько я его знаю, он обязательно начнет перерывать квартиру в поисках спрятанных сокровищ.

Оба слабо улыбнулись. Потом женщина предложила:

— Может, отдать ему и деньги, и драгоценности? Я, в конце концов, тоже пожила достаточно.

— Дело твое, но я бы тебя попросил не сдаваться сразу. Это просто слабость. Постарайся с ней справиться. Ну, прощай. Вряд ли я вернусь из больницы. Удачи тебе, любовь моя.

Отступление первое

ЗАДОЛГО, ОЧЕНЬ ЗАДОЛГО ДО ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ...

Полет проходил не просто нормально, а, пожалуй, даже отлично. Видимость, как любил говорить старший инструктор, — миллион на миллион. Болтанка минимальная. Внизу проплывают очень красиво выглядящие с высоты пейзажи Подмосковья — гораздо красивее, чем если смотреть на них с земли, тем более

в упор. Инструктор сзади молчит, что можно вообще отнести к категории нечаянного чуда. Но почему же тогда все сильнее и сильнее одолевает какое-то непонятное беспокойство?

Катя Линевич с детства доверяла своей интуиции. Точнее, с того момента, как давно, еще до войны, в дачном поселке появился неведь откуда приبلудившийся щенок. Дети, ясное дело, очень обрадовались нечаянной игрушке. Катя тоже собралась было побегать вместе со всеми, но вдруг внутри у нее что-то буквально завопило — туда нельзя! Этот щенок очень опасен!

«Но почему? — недоумевала про себя девочка. — Смотри, какой милый, совсем не злобный — Вовке вон даже руки лижет...»

Однако подходить к собачонку Катя не стала. И поэтому не увидела, что на руке у Вовки была свежая царапина. Но когда осенью она случайно подслушала разговор родителей о том, что сын их соседей по даче недавно умер от бешенства, то совсем не удивилась. А просто сделала вывод, что к предчувствиям надо относиться серьезно.

Они далеко не всегда сбывались так явственно и быстро, как в первый раз. Например, однажды, уже будучи студенткой химфака МГУ, Катя шла по Новослободской улице и случайно наткнулась на здание Второго московского аэроклуба. И тут ее неожиданно озарило — нужно кроме получения высшего образования еще и учиться летать!

Да зачем же, удивилась странной мысли девушка. Нет, конечно, способностей, настойчивости и здоровья у нее хватит. И поступать лучше не сюда, больно уж у этого аэроклуба вид несолидный, а в Центральный. Но все-таки зачем? Сейчас же не тридцатые годы, когда вся страна сходила с ума по летчицам и летчикам. Какой смысл, что это даст?

Впрочем, сомнения не помешали девушке поступить в аэроклуб — причем, естественно, не во Второй, а в Центральный имени Чкалова. И то, что она до сих пор не видела никаких положительных последствий своего решения, могло означать всего две вещи: или она просто плохо смотрела, или, что более вероятно, время для них еще не настало.

То, что инструктор молчал, было несколько необычно. Раньше он всегда и, как правило, нелицеприятно комментировал Катины действия, несмотря на то, что летала она лучше всех в отряде, причем намного. Девушке вообще легко удавалось управление самыми разными машинами, начиная от велосипеда в детстве и кончая недавно приобретенной отцом «Победой». И самолет не стал исключением, тем более такой простой в управлении, как По-2. Наверное, инструктор ворчит, чтобы я не зазнавалась, сделала вывод Катя. Или, что тоже вероятно, вспоминает, насколько хуже в свое время у него получалось у самого. Девушке это было в общем-то без разницы, она быстро научилась воспринимать замечания инструктора спокойно и с поправкой, что прав он бывает далеко не всегда. Но сейчас он молчал, что было странно.

Хотя... в наушниках шлемофона уже второй раз раздается какой-то странный звук, похожий на сдавленное мычание.

Постаравшись не потерять управление из-за неудобной позы, Катя обернулась, и увиденное ей решительно не понравилось. Назвать лицо инструктора нормальным не смог бы даже самый закоренелый оптимист.

Левый глаз прикрыт, правый выпучен. Рот приоткрыт, причем тоже криво, с одной стороны, и из уголка губ тянется струйка слюны. Левая рука не на секто-

ре газа, а прижата к горлу. Правую не видно, но она явно не на ручке управления.

Катина мать считала, что она хорошо разбирается в медицине, хотя на самом деле всего лишь два года работала в регистратуре районной поликлиники, причем давно. Однако это не мешало ей регулярно просвещать домашних по поводу всяких инфарктов, инсультов, аппендицитов и прочего. Особый упор она делала на своевременное, при самых первых признаках, обращение к врачам.

Явный инсульт, сделала вывод Катя. Кажется, тут действует правило золотого часа. Если вовремя получить помощь, благоприятный исход вполне вероятен. Если нет, то в лучшем случае инвалидность, хотя и летальный исход не исключен.

Девушка быстро прикинула, что уложиться в час у нее никак не получится. Во-первых, до аэродрома не меньше двадцати минут лёта, а с учетом захода на посадку без помощи инструктора может выйти и полчаса. Во-вторых, радио на самолете нет и «скорую помощь» вызовут только после посадки, да и то вряд ли сразу, надо же добраться до телефона. Уйдет еще минут десять, если не пятнадцать. Пока «скорая» приедет, да пока довезет мужика до больницы... нет, часом тут и не пахнет. Хорошо бы за два успеть, да и то не факт, что получится. В-третьих, неизвестно, когда именно начался приступ. Возможно, сразу после того, когда инструктор дал команду на изменение курса, а потом замолчал — это было минут десять назад, если не больше. Кажется, Пал Михалычу не повезло. Впрочем, чего волноваться-то? Вряд ли новый инструктор будет хуже этого, таких в аэроклубе просто нет. А уж самостоятельно долететь до Тушино и сесть, не разбив самолет, выйдет в любом случае.

Катя попыталась прислушаться к своей интуиции и поняла, что инструктора надо спасти — и плевать на риск не только для карьеры, но и для жизни. Вот только как?

Девушка в общем-то неплохо представляла, где она находится. Справа, километрах в семи — Волоколамское шоссе. Под ней дорога, проходящая мимо их дачного поселка. До него километров двадцать. А немного не доезжая... точно, там какая-то ведомственная больница! Но какая бы она ни была, пусть даже кремлевская, вряд ли в ней откажутся принять нуждающегося в неотложной помощи летчика. Сесть можно будет прямо на шоссе, движение тут небольшое, но могут помешать столбы с проводами, да и до больницы останется примерно полкилометра. Но, кажется, дорожка от шоссе до главного корпуса практически прямая, и столбов на ней нет, быстро вспомнила Катя, чуть дав ручку от себя и двинув вперед сектор газа.

Только через два часа девушка смогла спокойно обдумать, что же она сделала. Кажется, все получилось правильно. Посадка удалась неплохо, самолет остался цел, хоть и выкатился с дорожки в конце пробега. Зато остановился буквально в трех шагах от главного входа. Инструктора приняли без возражений и даже поблагодарили за своевременную доставку и четкий первичный диагноз — у него действительно был инсульт. Потом старшая медсестра проводила Катю до телефона, чтобы девушка могла позвонить в аэроклуб. На том конце провода велели ждать машину и не пытаться взлететь самой. Чего, между прочим, Катя и без их распоряжений делать совершенно не собиралась. Потом трубку взял сам начальник аэроклуба

и поблагодарил ее за мастерство и находчивость — он так и сказал.

И вот теперь девушка пыталась сообразить — неужели эта посадка у больницы нужна была только для того, чтобы ее отметил начальник? Хотя, возможно, оно и окажется не лишним... у отца явно начинается полоса неприятностей. Его последнюю повесть на пленуме Союза писателей очень резко критиковал сам Фадеев, и это может иметь серьезные последствия. Не оказаться бы дочерью безродного космополита — ведь то, что отец на самом деле чистокровный белорус, после соответствующего распоряжения сверху никого интересовать не будет. Сейчас, конечно, не тридцать седьмой и членов семей не репрессируют, но все равно заступничество начальника аэроклуба, а он, между прочим, генерал-майор и Герой Советского Союза, лишним не будет. Неужели дело только в этом?

Катя посмотрела вправо и поняла: нет. Разумеется, нет!

Справа и чуть сзади стояла настоящая причина ее авантюрного полета и посадки на больничную аллею. Но боже ж мой, мысленно застонала девушка, до чего же она... это... в смысле он... как он далек от идеала!

Нет, Катя, конечно, понимала, что в жизни прекрасные принцы на белых конях выглядят несколько не так, как в сказках. Но не до такой же степени!

Старый, на вид ему лет сорок пять, если не все пятьдесят. Плюгавый, ростом сантиметра на три ниже Кати. Роба мало того что небритая, так еще и перекошенная. Впрочем, это может быть от волнения, ведь не просто же так он приехал в больницу и совершенно явно не находит себе места. Наверное, у него тут лежит кто-то близкий, и с серьезным диагнозом. М-да-а... костюм хоть и несомненно импортный, но давно не глаженный, а под ним какая-то вульгарная мятая ру-

баха в красную клетку. У него что, даже приличной домработницы нет? И только конь не подкачал — сквозь застекленные двери был хорошо виден белый ЗИМ, стоящий у самого входа.

Катя специально позволила себе немного расслабиться, потому что в обозримом будущем это станет невозможно. Сейчас ей нельзя допустить ни малейшей ошибки, то есть фальши.

Девушка глубоко вздохнула. Ну что, Екатерина Арнольдовна, поныла, облегчила душу? А теперь можешь навсегда засунуть свои оценки куда подальше, и начинаем работать.

Доктор геолого-минералогических наук, лауреат Сталинской премии Сергей Петрович Мезенцев овдовел в пятьдесят первом году. А в начале пятьдесят второго женился снова — на отважной девушке-летчице, на его глазах с риском для жизни, но вовремя доставившей своего товарища в больницу. И если к первой жене он просто неплохо относился, но особого места она в его жизни не занимала, то Катя стала для него всем. Ученый был уверен, что без ее постоянной поддержки он не достиг бы и половины того, что ему удалось. И — в чем он боялся признаться даже себе — отсутствие детей его не только не расстраивало, но даже скорее радовало. Дети могли нарушить то волшебное чувство единения с любимой, в котором он всегда пребывал рядом с женой. Катя, Катюша, солнышко...

Сергей Петрович прожил долгую жизнь и был счастлив до самой смерти, настигшей его в семьдесят седьмом году.

ГЛАВА 1

Пятнадцать человек на сундук мертвеца

Ну вот, квартира отныне моя, а дядя Марик теперь сосет... хм... ладно, будем считать, что лапу. Глядишь, и пойдет на пользу, а то он, как мне рассказывали, слегка поехал крышей еще в поздней молодости, а сейчас рехнулся окончательно. Нет, я, конечно, не идеализирую Советский Союз, которого почти и не видел, но, говорят, принудительная психиатрия там была на высоте. Хрен бы такой двинутый, как этот не к ночи будь помянутый родственник, там по улицам свободно разгуливал и уж тем более претендовал на чужие квартиры. И ведь, главное, он хоть и псих, но от политики шарахается как черт от ладана! Жаль, а то, глядишь, примкнул бы к какой-нибудь оппозиции и сел бы в психушку как миленький, невзирая на демократию. Однако он, зараза старая, вместо этого подал в суд, утверждая, что имеет право как минимум на половину квартиры моего умершего полгода назад деда, несмотря на то что имелось совершенно однозначное завещание в мою пользу. И это при том, что он всего лишь вдовец дедовой двоюродной племянницы!

В общем, неудивительно, что квартиру в конце концов присудили мне, причем это сопровождалось минимальным расходом нервов и денег. В силу чего наконец я могу вступить в полноправное владение ею, а свою старую однушку в Черемушках сдать или даже

продать. В принципе я прекрасно мог жить и в однокомнатной, а сдавать эту, за которую можно просить как минимум вдвое больше, а после ремонта так и втрое, но у меня были свои планы.

Не знаю, был ли дед перед смертью самым старым жителем Москвы, но что одним из них — это точно. Он месяца не дожил до ста трех лет! Да и то помер не от старости, а от воспаления легких, ухитрившись незнамо где простудиться. То есть на пенсии он сидел раза в полтора дольше, чем я вообще живу на свете. Но при этом, нигде не подрабатывая и вроде даже не занимаясь никаким левым бизнесом, никогда не бедствовал! Причем это еще очень мягко сказано.

Ладно, то, что в советские времена персональный пенсионер, орденосец и генерал-майор в отставке жил, ни в чем себе не отказывая, еще не удивительно. Но он и потом продолжал кататься как сыр в масле! Хотя по идее должен был искать еду на помойках, ибо почти вся его пенсия уходила на квартплату и коммунальные услуги.

Не знаю, насколько дед меня любил, но относился, во всяком случае, неплохо. На шестнадцатилетие подарил почти новую японскую скутеретту «Хонда Супер Каб», по тем временам это было очень круто. Она на ходу до сих пор, несмотря на двадцать три тысячи на одометре. Нормальный такой подарочек для голодного российского пенсионера, не находите? Опять же мою мать он материально поддерживал до самой ее смерти в две тысячи пятом, и, насколько я себе представлял, не такими уж малыми суммами.

В силу чего я был почти уверен, что за долгую и богатую приключениями жизнь деду не раз попадалось что-либо ценное и он в подобных случаях не терялся. Вот, значит, мне и захотелось найти хотя бы остатки. Причем совесть меня не мучила — я точно знал, что в

блокадном Ленинграде дед не был ни разу. И значит, среди найденного в квартире не может оказаться ничего, купленного за кусок хлеба у умирающих с голоду. Ну а что дед где-то еще хорошо затрофеился — так это дело житейское. Как и то, что в поисках тайников я собирался перерыть всю квартиру, тем более что она была довольно запущенной и все равно требовала ремонта.

Нашел я там довольно много, но найденное как-то не очень походило на клад острова Монте-Кристо. Прямо в ящике письменного стола обнаружились восемь николаевских червонцев, а в кармане висящего в прихожей плаща — еще три. Ножки старинного журнального столика оказались выдолбленными. Правда, две были совсем пустые, а в последней нашлось восемнадцать червонцев, только нэповских. В буфете чуть ли не на самом виду лежал обшарпанный ТТ с одним магазином и без патронов. У меня даже мелькнула шальная мысль — может, дедуля просто подрабатывал киллером и я зря ищу сокровища? Больно уж вид у пистолета заслуженный. А когда кончились патроны, ветеран чуть ли не всех войн, начиная с финской, понял, что жизнь дала трещину, и помер от расстройства. Хотя, с другой стороны, патронов к двустволке, что тоже нашлась в одном из шкафов, оставалось еще примерно полсотни.

Наконец, в начале третьей недели поисков, совмещенных с ремонтом, я нашел настоящий тайник под плитой подоконника. И уже не очень разочаровался, увидев, что ценность его содержимого если и отличается от нуля, то совсем немного и еще неизвестно, в какую сторону. Там лежал завернутый в промасленную бумагу совсем новый, в смысле не использовавшийся наган, семь картонных коробочек с патрона-

ми, в каждой по четырнадцать штук, и небольшая шкатулка из темного, почти черного дерева. В ней обнаружилось невзрачное серенькое кольцо без украшений и вырванный из тетради лист бумаги в клеточку, исписанный дедовым неразборчивым почерком.

Отступление второе

ЗАДОЛГО ДО ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ

Не пора ли закрыть окно?

Такая мысль посещала Екатерину уже не первый раз. Но, как и во все предыдущие, в действие она не воплотилась. Подумаешь, пьяные вопли мужиков и столь же нетрезвый визг... хм... ну, скажем, дам. Или, точнее, баб. Лучше еще послушать, авось пригодится.

Соседи гуляли уже второй день подряд и закругляться пока явно не собирались. А чему тут удивляться — начали в пятницу, сейчас вечер субботы, в запасе у празднующих еще как минимум сутки. Это если не учитывать, что виновник торжества — пенсионер и на работу ему в понедельник не идти. К тому же, как успела узнать Екатерина, далеко не бедный, так что и деньги у него скоро никак не могут кончиться.

Женщина вздохнула. Она давно подозревала, что судьба — дама с довольно своеобразным чувством юмора, и вот сейчас получила еще одно подтверждение.

Подумать только, среди мужчин, про которых ее интуиция говорила «он должен стать твоим», наконец-то встретился настоящий красавец. Как раз тогда, когда Екатерина окончательно убедилась, что внешность не играет никакой хоть сколько-нибудь заметной роли. Так что лучше бы этот был пострашнее на вид, но не таким вульгарным! Господи, как ржет-то...

породистый конь обзавидуется. И эти его бабы... хотя, конечно, столь возвышенно их называть можно только в порядке комплимента. Шлюхи. Причем самые низкопробные — где он их только набрал-то? Разве что у трех вокзалов, да и то не сразу, даже там таких еще поискать надо.

Впрочем, — вздохнула про себя женщина, — какая разница? Раз надо, значит, надо. Тем более что в смысле обеспеченности и положения этот, кажется, стоит не ниже ее полтора года назад умершего мужа. Генерал-майор в отставке, и тетя Саня, видевшая его первое появление, когда он явился в свое новое жилье в парадной форме, говорила: «Вся грудь в орденах аж до пупа».

Здесь этот тип оказался после развода с женой и размена жилплощади и сейчас праздновал новоселье и, наверное, обретение свободы до кучи. Поди, неплохая у него была квартирка, если половина от нее тянет на двухкомнатную в таком доме. Тем более что и его бывшая жена тоже переехала далеко не в хрущевку, подъездные бабки это уже раз узнали.

В общем, не считая вида и манер, вполне достойный кандидат. Выглядит, кстати, не больше чем на сорок — когда же это он успел стать генералом, да и повоевать от души?

Екатерина глянула в зеркало и усмехнулась. Ей тоже больше тридцати ни за что не дашь, а в паспорте — сорок девять. Родственная душа? Вполне возможно. И вообще, хватит ныть, пора настраиваться на работу. Дабы не ляпнуть что-нибудь вроде «ах, сударь, вы вгоняете меня в краску» в ситуации, когда более уместным будет вопрос наподобие «мужик, чтоб твою мать, да ты че, ваше охренел?». Или наоборот, что ничуть не лучше.

ГЛАВА 2

Колечко, колечко

Прогладив валиком очередной свисающий сверху лист обоев, я потрогал надетое на безымянный палец левой руки дедово кольцо. Кажется, оно уже не холодное, а примерно соответствует температуре тела. Значит, ничего непоправимого не случилось, и вскоре меня ожидает, если можно так выразиться, второй подход к снаряду. Ибо первый вышел каким-то неподготовленным и бестолковым. Впрочем, назвать его совсем уж безрезультатным не поворачивался язык.

Неделю назад, найдя в тайнике кольцо и бумагу, я сел разбираться в мелких дедовых закорючках и вскоре понял почти все, что там было накорябано.

Итак, в конце тридцатых годов каким-то образом к деду попало это кольцо, конкретики он не приводил. И дед обратил внимание, что если его надеть на левую руку и пощупать пальцами правой, то оно кажется холодным. Но при этом палец, на котором надето кольцо, ничего подобного не чувствует! В общем, так было почти год, а потом вдруг кольцо начало ощутимо теплеть, и опять это можно было почувствовать только пальцами правой руки. Вот, значит, лег как-то дедушка спать, а перед сном опять пощупал кольцо — теплое! — и слегка повернул его. После чего мгновенно заснул, а проснулся почему-то в лесу. Прямо на землю была постелена казенная простыня, под головой подушка, сверху наличествовало одеяло. И все! Никаких признаков военного городка, где он лег спать, вокруг не наблюдалось. Более того, в ста метрах обнаружилось настоящее море — во всяком случае, оно имело соленую воду и простиралось до горизонта. Был при-

мерно полдень, погода стояла теплая, так что дед не стал расстраиваться тем, что из одежды на нем одни трусы, а решил исследовать место, где он столь непонятным образом оказался. Залез на дерево, посмотрел вокруг и увидел, что рядом есть не то низкая гора, не то высокий холм. Поднялся на него и с изумлением обнаружил, что находится на острове!

Тем временем потихоньку вечерело, небо заволокло тучами, и дед отправился вниз, к своим постельным принадлежностям. Когда он достиг поляны и, усталый, присел на простыню, начался дождь. Правда, он скоро кончился, но стало заметно прохладнее, и дед задумался. Вообще-то он допускал, что все происходящее ему снится, но просто так сидеть и мерзнуть, дожидаясь момента пробуждения, ему быстро надоело. Он пощупал кольцо — не холодное, но и не теплое. После чего рассудил, что необычный сон начался с поворота этого кольца. Так, может, если лечь и повернуть его в обратную сторону, сон прекратится?

Дед два раза повторил в своей писульке, что ему почему-то было немного боязно поворачивать кольцо. Имелось ясное ощущение, что еще рано, оно должно нагреться как минимум до той температуры, что была при засыпании. Но он все-таки повернул, после чего услышал что-то вроде далекого колокольного звона и заснул на мокрой простыне под мокрым одеялом, а проснулся на своей кровати, причем белье было почти сухим. Он встал, соображая, приснилось или нет ему все происшедшее. Потом посмотрел на свои ноги. Они были гораздо чище, чем тогда, когда он лез под одеяло на поляне, но все же грязнее, чем когда ложился спать. И на них остались царапины, приобретенные при восхождении на холм. С другой стороны, к простыне ничего не пристало, а она ведь валялась прямо на траве и еловых иголках!

Дед понял, что заснуть ему не удастся, оделся и попытался снять кольцо, но оно не слезало. В общем, тогда оно в первый раз спасло ему жизнь. Потому как дед лег спать поздним вечером двадцать первого июня сорок первого года. И в четыре часа утра, когда на спящий военный городок посыпались бомбы, он был одет и на ногах, отчего и остался в живых, в отличие от большинства своих сослуживцев.

Дед был уверен, что кольцо хранило его всю войну. Он счастливо избежал не только смерти, но и серьезных ранений, а те, что все-таки случались, заживали ну очень быстро. В общем, он носил его всю жизнь, практически ничем не боля, и все это время кольцо было одинаково холодным на ощупь. И, несмотря на регулярные повороты, больше не отправляло своего носителя неизвестно куда — то ли в необычайно яркий сон, то ли в какой-то иной мир.

Однако где-то за месяц до написания письма оно стало холодить и тот палец, на котором было надето, причем чем дальше, тем сильнее. Вскоре холод стал нестерпимым, и дед попробовал его снять — оно слезло без всяких усилий. В общем, явно давало понять что-то вроде — попользовался, пора и честь знать. Чай, уже больше ста лет живешь на свете! Дед был в общем-то согласен, поэтому сел писать сначала завещание, по которому все его имущество переходило мне, а потом и эту бумагу. Почему-то он был абсолютно убежден, что я найду тайник и кольцо, даже если мне ничего о них не говорить.

И я его действительно нашел! Немедленно по завершении чтения, отринув сомнения, решительно напялил кольцо на палец. И сразу потрогал его правой рукой — надо же, действительно холодное! После чего попытался снять, но оно не слезало, хотя надевалось

вроде без всяких усилий. Что же, подумал я, пока все подтверждается.

На следующий день я, придя на работу, первым делом измерил температуру наружной поверхности кольца. Термопара показала тридцать четыре градуса, тепловизор на полградуса больше. А по ощущениям получалось, что там никак не больше пятнадцати градусов! Ладно, подумал я тогда, кольцо действительно непростое. Когда оно там у деда нагрелось — через пару лет непрерывного ношения? Нет, кажется, всего через год.

Однако у меня оно начало теплеть уже через три дня. Я снова потыкал его термопарой и исследовал через тепловизор — те же тридцать четыре. Но рука ясно говорила мне, что там от сорока четырех градусов до сорока шести. Ведь я электронщик, специалист по мощным инверторам, и до этого несколько лет подряд щупал транзисторы, определяя их нагрев, пока начальство не расщедрилось на тепловизор. В общем, у меня сложилось впечатление, что кольцо готово к работе, но наобум и в одних трусах бросаться в какой-то новый мир я не собирался. Мало ли, а вдруг он действительно существует!

После работы я заехал в спортивный магазин, где купил многолезвийный туристический нож, небольшой топорик, компас, непромокаемых спичек и кучу всяких лесок, поплавков, крючков и грузил. Дома сразу надел жилетку со множеством карманов, в которой занимался ремонтом, и разложил все купленное — лишь топорик не лез внутрь, его пришлось засунуть за боковой хлястик. Места оставалось еще много, и я начал распахивать по карманам все подряд. Пассатижи? Туда их, лишними не будут. Шурупы? Аналогично, пара горстей точно не помешает, и к ним нужна крестовая отвертка. Ее в малый боковой кар-

ман, мини-ножовку «Фрезер» в большой, мультитул в нагрудный. Чего еще? Ага, несколько зажигалок, спичек не так уж и много. Скотч? Тоже пригодится, место еще есть. Блин, чуть не забыл наган! И патроны, в последнем кармане еще есть место для двух пачек.

В общем, вскоре я, бряцая всяким железом, зашел в пока не затронутую ремонтом комнату и, как был, прямо в кроссовках, лег на кровать поверх покрывала. Ну, с Богом!

Я повернул кольцо и почувствовал, что неудержимо засыпаю. Последний обрывок мысли был — ага, действ...

И тут же наступило пробуждение. Я поднял голову и огляделся. Сверху — небо между ветками не то сосен, не то елок. Подо мной — покрывало с кровати, куда я плюхнулся, и подушка. Я не голый, одежда на месте, причем почти вся. Кроме самого главного — жилетки с множеством полезнейших вещей! И почему-то кроссовок, в новом мире я оказался в одних носках. В общем, положение мое было почти как у деда. С одной стороны, имелось преимущество — на мне не только трусы, но и джинсы, майка, рубаша и носки. С другой — когда деда перенесло, в месте финиша было тепло, а здесь прохладно, не очень светло и довольно мокро. Похоже, недавно прошел дождь — при каждом порыве ветра с веток падают капли. И, кстати, ремень от джинсов тоже куда-то пропал, обнаружил я. Интересно, что сейчас — утро или вечер?

Оказалось, что вечер, потому как минут через пятнадцать еще больше стемнело. Я нашел довольно густые кусты неподалеку от места своего приземления и задумался. Если перетащить туда покрывало и подушку, а сверху набросать веток, то получится какое-то подобие шалаша. Вот только можно ли тащить туда

покрывало — вдруг его нельзя трогать, если хочешь вернуться? Думай, голова, думай, совсем скоро начнется ночь.

Мерзнуть в кустах мне не улыбалось, поэтому я быстро решил, что покрывало в механизме переноса не участвует — ведь сам его недавно купил на рынке за семьсот с чем-то рублей. А вот место — очень даже может быть!

Я наломал веточек и, воткнув в землю пять штук, пометил место, где лежало покрывало. Пять потребовалось потому, что один конец его оказался загнут и на обозначение места сгиба ушло две веточки. Затем достал из кармана джинсов ключи с брелоком-фонариком — это было все, что мне осталось от технических благ цивилизации. После чего свернул покрывало и отправился устраиваться на ночь. И что мне, дураку, помешало сунуть в тот же карман хотя бы одну зажигалку?

Короче говоря, ночь прошла без сна и, так сказать, весьма разнообразно. Я кутался в покрывало, пытаюсь согреться, и несколько раз чуть не вылез добывать огонь. Удержало только то, что в темноте, даже при наличии не до конца севшего фонарика, искать кремни было бесполезно, а добывать огонь трением надо уметь, и даже тогда это вряд ли получится, потому как все вокруг мокрое.

Три раза начинался дождь, причем в последний раз он не только начался, но продолжался около часа, из-за чего я окончательно промок. И, вдобавок ко всем неприятностям, кольцо было совершенно холодным.

Однако, как говорится, все на свете имеет конец, а колбаса — даже два конца. Кончилась и ночь незнано где. Нет, ясности по поводу моего местопребывания не прибавилось, но настало утро, вышло солнце, я ожил и, захватив покрывало, отправился вперед, где

между деревьями просвечивала вода. Дневное светило поднималось быстро, и я сох почти с той же скоростью. В общем, еще до полудня ко мне вернулся оптимизм, а сразу после него кольцо начало помаленьку нагреваться.

Не знаю, получилось бы у меня не повернуть его, если бы это случилось ночью, когда я всюю стучал зубами, но теплым днем решение не требовало особого мужества. Буду ждать, пока кольцо не достигнет требуемой температуры, а сейчас можно позагорать или в море искупаться — а то когда еще доведется. Бухточка небольшая и со сравнительно узким входом, вряд ли тут водится что-либо одновременно и крупное, и хищное. Заодно можно будет посмотреть, нет ли в воде кого-нибудь съедобного, а то ведь организм напоминает, что пора бы и перекусить. В конце концов, суши я ел, так почему бы и не отведать просто сырой рыбы, без всякого японского колорита? Насчет омаров я не загадывал, ибо толком не представлял себе, как они выглядят не в консервированном виде. И сильно ли кусаются в процессе поимки.

Вода оказалась довольно теплой, и я вволю наплавался и нанырлся. Вот только рыб мне не встретилось, всего лишь пару раз на пределе видимости что-то мелькнуло, но на границе песка и камней нашлась приличная колония мидий. Я помнил, что среди двустворчатых моллюсков нет ядовитых, да к тому же пробовал мидий в детстве, когда отдыхал в Новомихайловке. Помнится, сожрал целых две штуки сырыми, но на третью меня не хватило, больно уж сильно они воняли какой-то гадостью наподобие керосина. Однако ни отравления, ни даже поноса тогда не последовало, и теперь я, натаскав приличную кучу ракушек, приступил к трапезе.

Правда, поначалу у меня не получалось открыть раковины — ни руками, ни используя ключ от квартиры. Тогда я стал просто разбивать их камнями, выгребая содержимое половинкой раковины. Как ни странно, в сыром виде и без всяких приправ мидии пошли очень даже ничего!

После обеда меня потянуло в сон, и я, оттащив покрывало к кустам и сходяв за подушкой, вздремнул в тени пару часов. А проснувшись, обнаружил, что кольцо нагрелось уже градусов до сорока. В общем, жизнь была прекрасна, но почему-то, несмотря на весьма сытный обед, снова хотелось есть. Недолго думая я набрал еще примерно полкило мидий, съел или, точнее, сожрал их, после чего напился воды из маленького ручейка, впадающего в бухту. Попытался добыть огонь при помощи камней, но безуспешно. А потом просто немного прогулялся по берегу моря, не ставя перед собой никаких исследовательских целей. За всеми этими занятиями незаметно наступил вечер, кольцо догрелось до нормы, и я, разложив покрывало точно на том месте, куда оно перенеслось, пристроил подушку, лег и повернул кольцо. Миг — и вокруг меня снова квартира, то есть возвращение состоялось! Или просыпание, это еще не до конца ясно.

Тут я почувствовал, что лежу на чем-то твердом и неудобном. Встал и, подняв покрывало, обнаружил на одеяле свою жилетку, набитую железом. Кроссовки тоже валялись у кровати. Пожалуй, это все-таки не сон. Хотя... почему носки такие чистые — я же в них шастал по лесу? И к покрывалу, как у деда, не прилипло ни травинки. Да, но царапины на руках, которые я получил, ломая ветки, никуда не делись! Впрочем, это ничего не доказывает. Они могли появиться, например, в результате самовнушения, как стигматы,

которые вроде как относятся к более или менее доказанным явлениям, я про это читал в «Лезвии бритвы» Ефремова. Стоп, но смола к рукам, она что, прилипла тоже в результате чисто волевого усилия? Нет, это же не деньги. Вот они действительно так липнут, особенно если бюджетные и в достаточно крупных количествах, а руки чиновные, но здесь явно не тот случай ни по одному из пунктов. Получается, я натурально где-то побывал! Но если так, то почему жилетка, которая была на мне надета, осталась на месте, а подушка — нет? И ремень от джинсов, и кроссовки путешествовать со мной почему-то отказались, в отличие от носков.

Минут через десять усиленных размышлений у меня родилась гипотеза, состоящая в том, что переносу подвергаются только предметы, непосредственно контактирующие с моим организмом. Теперь оставшиеся на месте кроссовки, ремень и жилетка получали вполне правдоподобное объяснение — они же нигде не касались моей кожи. В отличие от всего остального, с чем я оказался на лесной прогалине. Да, но тогда почему перенеслась подушка, ведь с головой контактировала только наволочка? И ключи в кармане джинсов тоже как-то не очень соответствовали выстроенной картине.

Немного подумав, я сделал небольшое дополнение. Если я касаюсь предмета, внутри которого находится еще один или несколько, то переносу подвергается всё. Причем «внутри» — понятие не абсолютное, полной герметичности явно не требуется — и наволочка, и карман от нее весьма далеки. А отсюда следовал оптимистичный вывод — в следующий раз с собой можно будет взять застегивающуюся на молнию сумку! Или даже под завязку набитый рюкзак.

Осталось только проверить — а станет ли кольцо вновь нагреваться? Я хоть и не очень сильно, но подзревал, что у деда оно сработало всего один раз из-за того, что он слишком поспешил с обратным переходом.

И вот три дня спустя после возвращения появилось доказательство, что это, скорее всего, так оно и есть. Кольцо начало теплеть.

Отступление третье

НЕЗАДОЛГО ДО ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ — СОВСЕМ КОРОТКОЕ

Если бы Екатерина Арнольдовна была способна упасть в отчаяние, то, вне всякого сомнения, она именно это и сделала бы. Какое утонченное издевательство — впервые в жизни ей предстоит обратить на себя внимание мужчины, к которому у нее вообще нет никаких претензий!

Статный и красивый, как его дед.

Явно неплохо воспитан и образован.

Иногда даже можно увидеть признаки душевного благородства.

И, кажется, добрый.

Почему же такой не встретился ей лет шестьдесят назад?

Да потому, что он мне тогда был не нужен, не стала хитрить сама с собой старая дама. Но сейчас — зачем ему нужна я, в восемьдесят-то пять лет? Выбор прост — или достаточно быстро найти ответ на этот вопрос, или смириться с тем, что моя долгая и, не будем кривить душой, временами даже счастливая жизнь подошла к концу.

ГЛАВА 3

Вслед за героями Жюль Верна

То, что во второй раз меня перенесло точно туда же, было бесспорным — я оказался в том же самом месте той же самой прогалины. Вот они, обломанные веточки, — торчат себе там, куда я их воткнул в прошлый раз. Причем прежним осталось не только место, но и время — похоже, второй перенос совершился в тот же момент, в который закончился предыдущий. Вокруг вечер, причем тот самый, иначе сломы веток имели бы другой вид. Все как в прошлый раз, но только теперь я намного богаче! Со мной полный рюкзак барахла, и кое-что примотано бинтами прямо к телу. Потому как не было полной уверенности, что фокус с рюкзаком удастся, и не хотелось мне вновь куковать хоть и не голым, но босым и без всяких благ цивилизации.

Я снял напяленные на босу ногу кроссовки, развязал обмотанные вокруг щиколотки носки, надел их, обулся и принялся разматывать бинты. Вскоре на покрывале лежали: заряженный наган, якобы швейцарский туристический нож, набор рыболовных крючков, леска, охотничьи спички и компас.

Затем из рюкзака была извлечена палатка. Поначалу я хотел купить сверхлегкую полутораместную для экстремальных походов, но, во-первых, больно уж дорого она стоила — без малого восемь тысяч. А во-вторых, с чего это мне жить в несусветной тесноте? Лучше купить рюкзак побольше, он стоит всего на полтысячи дороже того, что я приглядел поначалу, и взять здоровенную палатку, нашедшуюся у деда. Советских времен, двускатную брезентовую, размером два на три метра и высотой в два. Которую, кстати,

пора ставить, если я не хочу заканчивать этот процесс при свете фонаря, хоть и весьма яркого.

Постановка палатки заняла почти час — все-таки это оказалось не так легко не только без практики, но даже без писаной инструкции. Но наконец мне удалось установить ее как положено. Я прицепил к потолку маленькую светодиодную люстру, надул матрац, расстелил на нем спальник. Потом полюбовался, сколь хорошо обеспечен по сравнению с прошлым разом, взял фонарь, ибо уже стемнело, и вылез с целью набрать дров. Ибо несмотря на то, что перед экспедицией я поужинал, у меня почему-то снова разыгрался аппетит. Значит, надо заварить чай, а к нему есть вареные яйца и бутерброды с колбасой и сыром, кои все равно надо съесть, пока не испортились. Ну а завтра дооборудовать палатку до состояния нормального жилища и посмотреть, как тут обстоят дела с охотой и рыбной ловлей. Во всяком случае, одну птицу, похожую на отожравшегося до размеров курицы голубя, я уже видел.

Спать после ужина еще не хотелось, погода была ясная, и я, взяв фотоаппарат и штатив, вышел полюбоваться на звездное небо. Ибо меня сильно интересовал вопрос — я на Земле или где-нибудь еще?

С первого взгляда казалось, что все-таки на Земле, потому как луна была почти полной и точно такой, как ей и положено. На всякий случай я ее сфотографировал, а потом вновь занялся прикладной астрономией.

Единственное знакомое мне созвездие — Большая Медведица, нашлось быстро, вот только этот ковш показался каким-то кривым. У него же ручка вроде была как-то не так изогнута! Да и сам он какой-то сплюснутый. Сфотографировав и его тоже, я вернулся

в палатку, где долго слушал приемник. Однако на длинных и средних волнах удалось поймать только треск — скорее всего, от грозовых разрядов. На УКВ не было даже этого. То есть теперь не вызывал особых сомнений тот факт, что я в каком-то ином мире либо в прошлом нашего. Ведь даже на необитаемом острове где-нибудь посередине Тихого океана было бы слышно хоть что-нибудь! Хотя, конечно, это может быть не прошлое, а достаточно далекое будущее, в котором человечество совсем одичало или просто прекратило свое существование.

Утром я соорудил на берегу нечто вроде солнечных часов. Теперь оставалось только дожждаться равноденствия, или солнцестояния, и можно будет определить широту места, куда меня занесло. С долготой, правда, так просто не получится, ибо узнать время по здешнему Гринвичу невозможно, но даже одна широта — это все же лучше, чем вовсе ничего. Впрочем, то, что здесь не экватор, было и так ясно — в прошлый раз солнце высоко не поднималось в зенит.

Я решил задержаться в новом мире подольше — либо до того момента, как кольцо начнет хоть немного охлаждаться, либо пока не надоест, из-за чего и занялся палаткой.

Она была установлена меж двух хвойных деревьев, напоминающих одновременно и елку, и сосну. На всякий случай я решил считать их кедрами — просто потому, что кедр не видел ни разу в жизни, но зато знал, что они бывают многих видов. Например, бермудский, ливанский, сибирский — это только то, что сразу пришло в голову.

И, значит, палатка была установлена меж двух кедров, растущих метрах в восьми друг от друга. Я натянул веревку меж стволов так, что она проходила сантиметров на десять выше палатки, и растянул на ней

тарпаулиновый тент размером пять на шесть так, что получился треугольный в плане ангар. Тарпаулин — это плетеный полиэтилен, довольно легкая, прочная, непромокаемая и дешевая ткань. Например, мой тент стоил тысячу с какими-то копейками, и это вместе с люверсами. Потом срезал ветки с куста, напоминающего иву, но с сосновыми иголками, и, при помощи медного провода сделал из них треугольник, положил его на второй кусок тарпаулина, вдвое меньше и дешевле первого. Обрезал лишнее, загнул края и кое-как зашил. После чего закрепил конструкцию в заднем торце внешнего тента, напротив глухого конца палатки. Теперь «ангар» был открыт только спереди, и результат не замедлил сказаться — в нем прекратился сквозняк.

Когда апгрейд жилища был в первом приближении закончен, я срезал еще одну длинную ветку с «ивы», привязал к ней леску с грузилом, крючком и поплавком и отправился к бухте добывать себе обед. По дороге сдвинул в сторону валявшийся на земле ствол дерева и набрал червей, по виду неотличимых от обычных дождевых.

Уже подойдя к воде, я вспомнил, что рыбаки обычно выходят на промысел на рассвете или закате, а в другое время у них, кажется, не клюет. Но не сидеть же теперь голодным из-за этого? Все бутерброды съедены еще вечером, осталось всего два яйца, полтора кило картошки и банка тушенки как неприкосновенный запас на крайний случай.

Клевать все-таки начало, и почти сразу. Уже через пятнадцать минут на кукане висели три рыбины наподобие обычных черноморских бычков, но как минимум по полкило каждая. Я снова забросил удочку, но тут клюнуло что-то очень здоровое. Оно без труда оборвало леску и умотало с моими поплавком, грузи-

лом и крючком, даже не дав себя увидеть хоть мельком, и я, подхватив пойманных рыбин, отправился к дому — в конце концов, на уху и их хватит.

За пять дней, проведенных мной на берегу моря, рыбное меню надоело мне по самое дальше некуда, а с охотой получился полный облом. Ведь ружье не лезло в рюкзак, и мне пришлось ограничиться только наганом. И вот, значит, утром третьего дня я крался по лесу, держа в руке взведенный револьвер. Ну насчет крался — это небольшое преувеличение, однако я очень старался шуметь, по крайней мере, потише бульдозера. Во всяком случае, в прошлый раз голубь-переросток подпустил меня метров на десять, так почему этому явлению не повториться? С десяти же метров можно вполне надеяться на успешный выстрел.

Сидящая невысоко от земли птица обнаружилась довольно быстро, но на этом везение кончилось. Я прицелился, нажал спусковой крючок, но наган в ответ только клацнул — осечка. Снова попытался выстрелить, и с тем же самым результатом. Сработал только пятый патрон, но птица к тому времени уже давным-давно улетела.

В общем, патронов у меня, оказывается, нет, без особого энтузиазма размышлял я по дороге к палатке. Все правильно, они же сорок восьмого года выпуска, вполне могли и испортиться за прошедшие шестьдесят семь лет. Потому как если стреляет только каждый пятый, то какой с них толк? Хорошо, что здесь была всего лишь птица. А если бы на меня несся разъяренный кабан? Хотя, наверное, против него не очень помогли бы и вполне годные патроны. В общем, с острова ни ногой, пока не вооружусь как следует, а то мало ли какие зверюги могут водиться на более крупных участках суши!

Примерно так я думал, расстилая покрывало для возвращения домой. Зачем оно мне понадобилось, раз перенос все равно осуществляет кольцо? Да просто для изоляции от Земли. Именно с большой буквы, то есть планеты. А то перенести ее всю в будущее у кольца точно не хватит мощности, да и место там уже занято. Хорошо, если кольцо просто не сработает, а вдруг оно сломается? Провести остаток лет на острове мне совершенно не улыбалось, хоть там сейчас и стоит вполне приличная палатка с тентом, а лет, если судить по примеру деда, будет достаточно много.

Дома я первым делом сравнил фотографии луны и Большой Медведицы с тем, что нашлось в Интернете. Так вот, луна однозначно была той же самой, а созвездие — столь же однозначно другим. Тогда я стал искать информацию о том, каким оно было в прошлом и каким станет в будущем, причем нашел искомое в тот же вечер. Судя по виду Большой Медведицы, моя палатка сейчас отстояла от меня по времени примерно на сорок тысяч лет плюс-минус пять тысяч. Так это что же, там сейчас вовсю бегают мамонты вперемежку с гигантскими носорогами, а на них охотятся троглодиты? Хорошо хоть не на моем острове — там, кажется, вообще нет никого, кроме птиц и небольшого количества бабочек. Что, впрочем, совершенно неудивительно для клочка земли размером примерно восемьсот на пятьсот метров.

В следующий заход я притащил на остров заряженный автомобильный аккумулятор и небольшой движок постоянного тока, свинченный на работе с какого-то допотопного списанного устройства, валявшегося в подвале. Из него я собирался сделать ветрогенератор для зарядки. Сам же аккумулятор нужен

был для света, а то батарейки все-таки хоть и не очень быстро, но садились.

Тем временем продолжительность дня удлинялась все медленнее, и наконец наступило летнее солнцестояние. Определив угол максимального подъема солнца и вычтя из него широту тропика, я получил одну из координат места, куда меня закидывало кольцо, — тридцать семь градусов северной широты плюс-минус градуса два в любую сторону. То, что полушарие северное, я знал со второго посещения, ведь солнце было на юге, да и не увидел бы я Большую Медведицу из южного полушария. Но в отличие от героев Жюль Верна мне не было нужды хотя бы мысленно исследовать всю тридцать седьмую параллель в поисках искомой точки. Я и так понял, что нахожусь в Средиземном море, причем скорее всего в той его части, что называется морем Эгейским. Об этом мне сказало отсутствие хоть сколько-нибудь заметных приливов и отливов. То есть мой остров лежал посреди какого-то достаточно хорошо закрытого соленого моря, а на северной тридцать седьмой параллели оно только одно. Относительно Эгейского — это была моя догадка, основанная на том, что там до фи́га островов любых размеров, чем не могут похвастаться прочие области Средиземного моря. Впрочем, это только в двадцать первом веке, а что было в минус сороковом тысячелетии, мне выяснить не удалось, да и не больно-то хотелось. В конце концов, «где-то в Средиземном море» — это достаточно точный адрес, а уточнять его все равно придется самому и по месту.

В принципе оставался еще один вопрос, подлежащий уточнению. Выглядел он так — а что мне теперь делать с этим островом, который я уже считаю своим? Да и с самой возможностью посещать прошлое тоже.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Отступление первое.</i> Задолго, очень задолго до описываемых событий...	6
<i>Глава 1.</i> Пятнадцать человек на сундук мертвеца	13
<i>Отступление второе.</i> Задолго до описываемых событий	16
<i>Глава 2.</i> Колечко, колечко	18
<i>Отступление третье.</i> Незадолго до описываемых событий — совсем короткое	27
<i>Глава 3.</i> Вслед за героями Жюль Верна	28
<i>Глава 4.</i> По ком звонит колокол? По крысе или...	38
<i>Глава 5.</i> Теперь понятно, зачем нужен остров	50
<i>Глава 6.</i> Возможности расширятся	59
<i>Глава 7.</i> Население растет, но пока за счет иммигрантов	69
<i>Глава 8.</i> Братья по разуму — кто они?	80
<i>Глава 9.</i> Тяжела жизнь простого неандертальца	92
<i>Глава 10.</i> Где жить, кого есть и как спастись?	103
<i>Отступление четвертое.</i> Практически во время описываемых событий	114
<i>Глава 11.</i> Планы обороны, или Что случилось с кроманьонцами	117
<i>Глава 12.</i> Все выше, и выше, и выше	127
<i>Глава 13.</i> Школа палеоэротической кулинарии	136
<i>Глава 14.</i> Война и мир	146
<i>Глава 15.</i> Суровые будни моряков, или Очень кушать хочется	154
<i>Глава 16.</i> Близится эпоха великих географических открытий и кое-что еще	163
<i>Глава 17.</i> Индустриализация — путь к изобилию	171

<i>Глава 18.</i> Дороги у нас только водные	181
<i>Глава 19.</i> Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков	190
<i>Глава 20.</i> Высокое искусство быть собой	199
<i>Глава 21.</i> Охота пуше неволи	206
<i>Глава 22.</i> Открываем новые земли и банки с зеленым горошком	215
<i>Глава 23.</i> Что день грядущий нам готовит?	229
<i>Отступление пятое.</i> Во время описываемых событий, но немного в стороне от них	236
<i>Глава 24.</i> Краткий курс начинающего интригана и махинатора	239
<i>Глава 25.</i> Людей и кораблей становится больше	247
<i>Глава 26.</i> Все на свете когда-нибудь кончается	257
<i>Глава 27.</i> Нас не догонят	265
<i>Глава 28.</i> Расы нового мира обретают названия, неандерталки — мужей, а мы — год спокойной жизни	276
<i>Глава 29.</i> Как аргонавты в старину... только в другую сторону	287
<i>Глава 30.</i> Последний рывок	299
<i>Отступление шестое.</i> Через три десятка лет после описываемых событий	305
<i>Эпилог</i>	309